

Mental Ornaments

Эмиль Петросян

2013 (ремикс 2025)

1.

Орнамент раскрывается, как пейзаж. Он уходит вдаль вместе со взглядом, унося с собой сочетания, схваченные в моменте. Несколько простых элементов в сложных переплетениях – и орнамент дышит, как существо, прямо сейчас появившееся на свет. Оно пульсирует, оно мыслит, оно анализирует, оно рефлексит.

2.

Мысли – тоже орнаменты. Все эти орнаментальные пространства и плоскости, в которых я распознаю мыслительную жизнь, существуют независимо от меня. Каждый удачный элемент этого ковра случайностей хочется распространить на все. Но при клонировании каждый новый узор все менее жизнеспособен. Геометрическая прогрессия убывания сути.

3.

Мы – сложноподчиненные химические элементы: распадаемся и соединяемся, вступаем в реакции и перетекаем в новые соединения. Валентность морали. Управляемые и неуправляемые реакции. Ядерный синтез любви.

4.

Смыслоформы. Я слежу глазами за развитием линий, в которых скрываются фракталы событий. Геометрические калейдоскопы созвучий. Непокидающее ощущение присутствия гармонии. Музыкальные интервалы общения, стремящиеся к разрешению в неловкие паузы. Мы проекторы нашего прошлого. Повторяющиеся мотивы, обрастающие деталями. Серийная музыка чувств.

5.

Мои глаза, как древняя загадочная обсерватория. Смотрю на себя в зеркало, как на постороннего человека. Крокодил, странствующий во мне и отражающийся в тайниках моей души, время от времени произносит магические заклинания для понимания сути сознания. Я доверяю его опыту жизни на глубине.

6.

Линия проведена и стремительно убегает, как выстрел. Маленькие детали огромных пронумерованных электрических схем. Путешествия по закоулкам сознания, попытки прочертить свой предыдущий путь. Я заблудился в привлекательности ее тела. Сочные женские груди, животворные как солнце.

7.

Спонтанное изображение своего расположения в пространстве. Точка, расширяющаяся, как зрачок. Пульсация ночи. Злая несущаяся во весь опор рысь сумерек откусывает руки багровым деревьям. Птички, присевшие на ветки, как добрые существа из волшебных сказок. Музыка, ласкающая ушки своим маленьким влажно дышащим проворным язычком.

8.

Мой мир раздувается, как меха аккордеона. Набираю в свои руки мощь аккордов и бросаю в ее ноги, обвитые сочным плющом моего взгляда. Глаза вращаются в парашютном прыжке. Ее слова расцветают на дереве несъедобными плодами.

9.

Человек появляется и исчезает в мерцающем свете ультрафиолетовых чернил. Квадратные звери дорожного полотна спят на асфальте. Ее нос множится на глазах, как ксерокопии. Я вкладываю свой язык в два ее рта. Мои ноздри сидят на моем лице, как мерзкое насекомое. Жирная ненасытная гусеница ежедневных забот пожирает сочный лист дня.

10.

Часы в обратном отсчете разрываются сигналом будильника. Взрывной волной меня отбрасывает на работу. Вместо слов - иероглифы, не поддающиеся расшифровке. В рабочем пылу люди проворачиваются, медленно обжариваясь со всех сторон, как куры в гриле.

11.

Мыльные пузыри летают в моей душе. Пистолет сна выстрелил мне в висок. Вечер выбривает наши тела, и мы голенькие, как новорожденные, прочерчиваем воображаемую линию из души прямо к солнцу.

12.

Перегруженные магистрали миров, переплетающихся в транспортном коллапсе ума. Утренний кофе еще витает в ее волосах цвета закатного пшеничного поля.

13.

Тела устремлены вверх как ракеты, нацеленные на полет. Здания с высоты птичьего полета двигаются и пульсируют, как препарированная биологическая клетка. Велосипед радуги летит со склона прямо в разорвавшуюся горными цветами зелень травы.

14.

Руки и глаза, как связывающие звенья огромной социальной цепи. Фразы вырастают изо рта как ветвистые многовековые деревья. Она – это то, что связывает между собой ее ноги.

15.

Раскрашенные тела индейцев-людоедов, запряженные в офисные одежды. Я пасу калькуляторы на пастбище бессмысленных графиков. Самолет моей души делает вынужденную посадку в нежный сезановский натюрморт, наложенный поверх бизнес-ланча.

16.

Змея страсти ползет по радуге, разбрасывая солнечные блики, полные горечи. Снова стою в нерешительности перед дремучим лесом ее глаз.

17.

Ее танец своими изгибами напоминает взмахи самурайским мечом. Выпотрошенный страстью лежу на полу, истекая воспоминаниями.

18.

В пустоте вечера слушаю гигантскую ракушку ее смеха. Она смеется, не понимая главного. Средневековые пейзажи унылой чередой проходят через меня.

19.

Женщины захватили власть в моих снах. Ее лицо пульсирует, как тело ядовитой медузы с бесконечно длинными щупальцами.

20.

Хмурый слон окна замер в ожидании, подавляя в своем желудке горячую улыбку.

21.

Юная горная дева с цветком в волосах прячет под широким платьем созревшую грудь. Ее еще детские губы пылают в ожидании настоящего поцелуя. Молодой удав ее позвоночника разучивает женский танец, медленно переваривая сладкого кролика первого оргазма.

22.

Воздушный шар сна, сверкая зеркалами, отделился от земли. Кошмары, прячущиеся в цветущих садах. Золотой бархат ее нежных рук и крепких ног. Ее зад, как разломившийся от зрелости плод, за которым наблюдают мерзкие ненасытные насекомые.

23.

Любовь превращает деревья в цветы. Любовь превращает цветы в деревья. Любовь бросает в крайности. Я чувствую в себе мощную гориллу, готовую сорваться в агрессивном оскале. Я пытаюсь ее дрессировать, но она не поддается дрессировке и целенаправленно оттаскивает меня к своим.

24.

Бесчисленные чайки людей медленно покачиваются на волнах улиц. Их крики заглушают мои мысли. Их беспорядочный полет перекрывает солнце. Их желание заботиться только о себе губительно для них же самих, и в их обильно политых взаимным пометом телах я чувствую гигантскую энергию разрушения.

25.

Обезьяны листьев, загипнотизированные медленно ползущим удавом солнца. Он проглатывает крону за кроной. Утро горит в костре из самого себя.

26.

Покрывало неба. Все мы в одной постели. Природа, люди, символы, знаки, фантазии, железнодорожные пути, самолеты. Все мы участники одного группового секса жизни. Качели секса раскачиваются в разнос.

27.

Моим сердцем управляют ноги. Я проигрываю квадрат любви в импровизационном экстазе тихого джаза. В моей крови электричество. И я увеличиваю напряжение.

28.

Душа – это лифт, переносящий нас из одного мира в другие миры. Иногда мы в нем застреваем. Этот короткий период я и называю жизнью.

29.

Слова – это сигнальные ракеты. Это сигнал бедствия, испускаемый всю жизнь.

30.

Громадный белый летающий конь желания несет в своих волосах пламя страсти. Недавно рожденная поэма на увеличительном стекле моего сознания размножается делением.

31.

Двери, уезжающие вглубь себя и уводящие за собой меня. Обратная перспектива памяти в иконах моей жизни.

32.

Солнечный свет из окна. Моя комната как одна сплошная гигантская линза, сфокусированная на мне.

33.

Полевые цветы моих записных книжек стоят в вазах моих файлов. Я селекционер снов и слов. И пытаюсь вывести все новые и новые сорта.

34.

Дождь колеблется на ветру, как воздушный змей. Я хватаю его за нитку и разматываю, как клубок. Я прохожу через свое прошлое, как через мощный снегопад.

35.

Меня слишком много для одной жизни. Я умирал сотни раз, но моя жизнь продлевается как река, где-то далеко отсюда впадающая в океан.

36.

Безопасная бритва будней. Стремительно бегущие реки блеклых пустых лиц и опорожненных душ. Завернувшись в кокон ее рук, жду своего перерождения.

37.

Растворяющийся в поцелуе рот. Я бросаю вызов вращающейся мельнице рта.

38.

Я иду по своим записям, как собака, взявшая след. Фразы, из которых я месяцами собирал свой художественный опыт, улетучились. У меня осталось только их послевкусие.

39.

В том странном сне я набирал текст. И взгляд монитора был обращен на самого себя. Я читал в нем свои откровения, и мне становилось жутко. Я вдруг осознал, что совсем не знаю себя. Мысли притягивались и отталкивались, как элементарные частицы. Я ускорял их, доводя до скорости света. Вдруг адронный коллайдер слов дал сбой – и частицы Петросяна не обнаружилось, и вместо этого появилась женщина, которую система определила как расстояние от рта ее влагалища до влагалища ее рта.

40.

Компьютер в блок-схемах операций, как среди зеркал, отражающих самих себя. Зеркала, разглядывающие друг друга. Я умею переноситься в любую эпоху. Я – настоящая машина времени. Но я не нахожу в этих эпохах себя.

41.

Иногда я замечаю, что во мне реликтивно продолжается моя юношеская черта во всем доходить до чрезмерности. Доходить до абсурдности. И когда я захожу в раж и уже не могу остановиться. Думаю, при всей моей патологической тяге ко всему прогрессивному в Средние века я бы работал в инквизиции.

42.

Долгий-долгий путь вглубь себя, как путешествие в центр земли. Выявление базиса, корневища, основы. Я спускаюсь вниз, в самую пучину всего по дайверскому тросу души. Опускаясь на самое дно, я замечаю, что оно одно для всех. Души произрастают из него как стебли, тянущиеся к солнцу. И я вдруг ясно осознаю, что мы все - единый организм.

43.

Душа - это пуповина, связывающая нас с единым организмом, породившим нас. Я вылезаю из батискафа и захожу в открытый микрокосм. У меня возникает такое ощущение, что я присутствую в чужом сне. Меня ведет голос, и я прохожу через чужие сны, как через анфиладу, открывающихся предо мной дверей.

44.

Я не знаю, кому приписать слышимый мной повсюду голос. Я обращаюсь к нему, как к богу. Но голос говорит, что он не бог... Он говорит, что он – это я.

45.

Рисуя контур карандашом, я перевожу предмет в воображаемый мир. Мир воображаемых сущностей живет по своим законам, поэтому, когда вместо человека у меня получается кривое дерево или раскладушка, я себя уверяю, что суть я уловил.

46.

Иногда смысл орнаментов бывает утрачен навсегда. И память отдаляется, теряя цвета. Тогда я просто пытаюсь вспомнить место, свои ощущения и через это вернуть некогда сверкающий на солнце узор.

47.

Кровь течет по кругу, ускоряясь. В каждом из нас живет своя белка в колесе. Она работает безотносительно к нашим целям или мечтам. Она просто делает свое дело. Я пытаюсь наладить с ней контакт, но коммуникация с ней невозможна. Она живет инстинктами, а я разучился их понимать. Она живет чувствами, а я привык все чувства переводить в мысли.

48.

Эндорфины звуков из проигрывателя захватили дом. Спасшись из ледяной проруби реальности, сижу отогреваясь, уютно устроившись в горько-сладком гитарном риффе.

49.

Свежее прохладное белье постели посреди зноя летнего дня. Зарываюсь в свои сны, как в нежную материнскую утробу.

50.

Книжки ползут по стеблю моего разума как жирные гусеницы, пожирающие мои впечатления. Я жду их превращения в бабочек. Но они не торопятся. Все, что я пытаюсь выразить словами, для меня уже утрачено навсегда. Невыразимый хаос внутри меня и есть сама жизнь, наполняющая меня до краев.

51.

Я собираю свой мир крупичка за крупичкой, словно реставратор, восстанавливающий древний манускрипт. Я жрец культа самого себя. Бог внутри меня. Я слышу его. Он не пытается меня чему-нибудь научить. Он сам не знает, как жить дальше.

52.

Глаза согревают все тело. Глаза создают мир. Глаза его адаптируют. Питаться глазами. Я вывожу свои глаза на пастбищах сочных женских тел. Чего я не вижу, того я не понимаю. Я иду за глазами следом, и они выводят меня из мрака существования на свет жизни.

53.

Миллионы меня в параллельных мирах. Опыт из прошлых и будущих жизней переливается в мою голову, создавая сообщающиеся сосуды. Воображение – это газ в запаянном сосуде жизни.

54.

Я не тороплю время, потому что оно движется в одном, известном только ему ритме. Возможно, время – это человеческий орган. И тогда, подобно тому, как я не контролирую работу своих органов, точно так же я не контролирую время. И в какой-то момент приходит осознание того, что скорее всего, вне меня нет времени.

55.

Я верю в то, что вижу. А вижу так, как верю. Я гребу по этому серо-коричневому смрадному потоку моей будничной жизни в розовых очках. Пока меня не прибьет к границе сред.

56.

Каждый мой день - полет в космос. И сегодняшним утром я снова космонавт на старте. Обратный отсчет. Отходят ступени. Я преодолеваю гравитацию сна. И вот я в открытом космосе дня, делаю обороты по орбите. Впереди много исследовательской работы, но вечером я должен приземлиться. Я вхожу в плотные слои атмосферы, побеждая силы трения будней -и оказываюсь под пледом на своем диване перед телевизором.

57.

Когда я приземляюсь, это происходит в безлюдном месте. Поэтому я долгое время лежу в своем скафандре на земле, смотря в звездное небо. Что если звезды на небе – это миги памяти. Галактики событий. Вселенная воспоминаний.

58.

Иногда этот город невыносимо ужасен. Повсюду люди, несущие в себе свою смерть. Жизнь угасает в них с каждым шагом, как огонек свечи на ветру. Люди, беременные смертью. Я жалею их. Чего не скажешь об обратном.

59.

Моя первая осознанная бессонная ночь - ожидание первого дня школы. Девочка, за которой я шел на линейке, и в результате – пришел не в свой класс. Я давно понял, что это путь выбирает меня. Мне остается только ему довериться.

60.

В какой-то момент понимаешь, что язык – это самостоятельная огромная планета с кучей климатических зон. Я произношу слова, минуя сосочки рецепторов. Но что-то неуловимое влияет на них, обдавая то космическим холодом, то человеческим теплом.

61.

Я допускаю, что философ это, в первую очередь, врачеватель, и он изучает различные проблемы не как вопросы, а как раны, которые надо исцелить. И поскольку мы воспринимаем мир как данность, философ пытается сначала исцелить себя. Это напоминает хирурга, делающего операцию самому себе. Благоприятные исходы такой ситуации крайне немногочисленны. Но возможны.

62.

Старые семейные фотографии. Эра счастья. Город моего детства, запечатленный на этих фотографиях, табуирован для меня сегодня: жертва межнационального конфликта. Два враждующих народа. Бегство. Незаживающие раны. Родина, оказавшаяся мачехой. Город детства остался в тех далеких теплых влажных морских днях, когда фотографии были черно-белыми, а мир переливался самыми яркими красками. И вместе с тем городом детства словно табуировано и само мое детство. И каждая моя детская фотография, как замочная скважина в наглухо запертое прошлое.

63.

Желание наслаждаться женщиной погружено во мне на очень большую глубину, до которой я никогда не доходил, и, вероятно, имеет совершенно неожиданные для меня корни.

64.

Подозреваю, что у предметов нет своего назначения. Каждый предмет можно использовать, как угодно. То же можно сказать и о предназначении человека.

65.

Почему бы на какое-то время не поменять названия вещей? Вероятно, вербальная память сродни мышечной. Мы накрепко приковываем слова к вещи. Мы не накрепко приковываем слова к чувствам. Что останется в результате такого эксперимента? Гравитационные поля пустоты.

66.

Я слушал чудесную вещь Boards of Canada, которая называлась Visual Drone 12, и писал этот роман. В этот момент в мониторе компьютера отразился красивый вид старой Москвы из моего офисного окна. Настоящее – это совпадение прошлого и будущего.

67.

Per aspera ad orgasmus. Через тернии к оргазму. Она подбирается ко мне с колюче-режущим стальным оргазмом между ног.

68.

В детстве я мечтал одновременно стать священником и космонавтом. Видимо, для меня эти профессии в детстве воспринимались как родственные.

69.

Фильм длиной в один кадр. Хорошая фотография - всегда хокку. Когда-то я ходил с фотоаппаратом на фотоохоту и фотографировал только самые интересные и необычные ситуации. Я чувствовал себя фоторепортером, оказавшемся в незнакомом городе. Но я сэкономил пленку, которая стоила половину моей стипендии. И поэтому моя фотоохота превращалась в работу снайпера, не имеющего право на ошибку. Сегодня, когда можно делать цифровые фотографии в неограниченном количестве, такого трепета к фотографии больше нет. Но даже сегодня через фотографию мы играем в прятки с вечностью.

70.

Любовь – это рай, попав в который, не видишь выхода. А рай без выхода рано или поздно превращается в ад.

71.

Мегаполисы, заполненные людьми с плохо контролируемой агрессией. Словно вызванный для экстренной помощи врач, бегу в операционную своей мастерской. Зажав реальность медицинскими защитами воображения, устремляюсь в полости воображаемого. Улучшение самочувствия. Возобновление аппетита.

72.

В юности мы пытаемся удержать детство, в молодости - удержать юность, в зрелости - молодость, в старости - зрелость. Мы пытаемся бороться со временем, как с чем-то внеположным. Между тем, как время внутри нас. Мы сами есть время. В этом курортном средиземноморском городке накрашенные старухи похожи на неудавшихся клоунов.

73.

Своей дочери я часто рисую маленький уютный красивый домик, красный на фоне зеленой травы и синего неба. Ей очень нравятся мои домики. Как-то коллега с работы привезла мне из Русского музея магнитик с картиной Малевича "Красный дом". Я никогда не видел этой картины и очень удивился, что уже давно нахожусь в одной тональности с ней. Я прикрепил магнитик к дверце холодильника и уже забыл про него, пока моя дочь не указала на него пальчиком и не сказала: "Папа".

74.

Я люблю комфорт. Я люблю, когда есть блага современной цивилизации и возможность ими пользоваться. Я люблю просторные высокие помещения и большие зеленые парки со скамейками возле пруда. Все, что уводит меня от комфорта, ужасно меня раздражает. Мне бывает очень комфортно, когда я сижу перед хорошим компьютером с большим монитором с высоким разрешением, слушаю музыку в хороших наушниках и пишу свои произведения. Люблю, когда в это время на улице весна или осень. Люблю, когда знаю, что у всех моих близких все хорошо. Раньше я думал, что не смогу писать в комфортных условиях, но оказывается, что очень даже могу. Ведь суть показывает себя только спокойному, умиротворенному уму. А

нервный, беспокойный ум она только дразнит, усугубляя его состояние. В этом суть напоминает женщину, которая отдает себя уверенному спокойному мужчине, но при этом очень любит подразнить мужчину нервного и беспокойного. Это два необходимых полюса отношения к себе и к истине: спокойствие необходимо, но беспокойство заманчиво.

75.

По вечерам телевизионные каналы сменяют друг друга. Конец дня в мозаике информационных сообщений. Войны, ураганы, политические интриги, спасение экономики, преодоление инфляции, циничные убийства, загадочные происшествия. Я смотрю в пустые лица ведущих, как в пересохший колодец. Всякий раз удивляешься, как в этом быстро сменяющемся и опасном мире удалось выжить еще один день. И начинаешь благодарить бога и просить его дать удачное завтра. Ставки сделаны, бог раскручивает рулетку.

76.

Музыка – это ментальные цветы. Я садовник в полях своих музыкальных записей. Аккуратно ступаю по грядкам и бережно подстригаю кусты. В моей душе зреет новая рассада, которую я пересажу в синтезатор, и она разрастется в бушующие леса. Создавая музыку, я добавляю еще один элемент конструкции для следующего шага над пропастью.

77.

Слова проступают из нашей жизни как пот, как слезы, как слюна. Гуморальные жидкости нашей души. Только пройдя через власть и красоту слов, зная слова и умея выделять из них высший смысл, можно дойти до понимания сути без единого слова в сознании. Смысл, проходящий в ум, минуя слова, минуя оценки разума. Чистое сознание, чистое существование, чистое творчество.

78.

Птица была извечным символом посредника между миром небесным и миром земным. Птица призвана объединять, примирять, синтезировать миры. Нелетающая птица трагична по своей сути. Нелетающая птица лишена своей стихии. Она никогда не привыкнет к жизни на земле, поскольку в силу своей природы еще помнит, что такое полет. Крылья удобны в полете, при ходьбе же они неуместны. Поэтому поэты созданы не для того, чтобы ходить, - поэты созданы для того, чтобы летать.

79.

Поэт – это птица, разучившаяся летать. Всю свою жизнь он пытается вспомнить, как летать. Но одна неудачная попытка сменяется другой. Иногда ему удастся немного полетать, прыгнув с возвышенности и поборовшись с гравитацией. Но это ненадолго. Гравитация берет свое. Поэт падает, но встает – и пытается снова.

80.

Запах женщины – это запах ее волос. Волна женских волос, сметающая на пути всех скептиков, всех атеистов. Женщина, распространяющая свой запах. Густой насыщенный аромат ее содрогающейся от ласок плоти, будоражащий рецепторы мужчины и наполняющий каждый вкусовой сосочек его языка нежностью.

81.

Перебирая старые студенческие записи вдруг наше такое: «Подлинное знание невербально и находится за пределами любых концепций. Оно лежит в сфере образов. Именно за ним я отправляюсь ежедневно в поэтическое путешествие».

82.

Все, к чему ты стремишься, находится в тебе. В тех, кого мы любим, мы узнаем себя. Мы встречаем своего двойника и пытаемся удержаться возле него. Мы подходим к магическому зеркалу совоплощения, которое инвертирует пол.

83.

Каждую секунду мы имеем дело с набором невыразимых чувств, из которых мы конструируем предложения для обозначения своего состояния. Многие цели лишены смысла. Но имеет ли цель сам смысл?

84.

Что есть цель в человеческой жизни? Счастье, комфорт, любовь, благополучие, власть, могущество, успех, признание, понимание, реализация всех желаний и возможностей? Почему так популярны в наше время семинары и тренинги на тему умения ставить цели и достигать их? Почему каждый удачный карьерист считает себя мастером целеполагания? Почему это является хребтом человеческой психологии? Почему так важно "взяться за ум"? Почему материальное полностью вытеснило из нашей жизни идеальное? Почему?

85.

Все, с чем мы сталкиваемся в жизни, бесконечно. Мы растем одновременно и вверх и вниз, и внутрь и вовне, и в видимом спектре, и в невидимом.

86.

У каждого человека есть своя невидимая сторона, его корневище, место, откуда берут начало его мысли и сны. Это потаенная жизнь. Это его нутро. Скрытое – сильнее явного, потому что берет начало в самой точке возникновения сущности. Даже если эта точка внеположна. Особенно, когда она внеположна.

87.

Малевич называл чистый холст "супрематическим зеркалом". И каждый раз, стоя перед чистым холстом, я понимаю почему. Я пытаюсь успокоить хаос внутри себя, выразив его в виде визуального уравнения, но что есть мой опыт, результат биохимических реакций в бесформенном мире остатков бытия.

88.

Медитативные иконы Ротко, которые он создавал, интимно втирая краску в холст. Художественный петтинг реальности. Ассоциации с космосом. В моем стихотворении художник является ракетой-носителем своего творчества, из которого он впоследствии самоустранился.

89.

Вертикальный формат картины говорит о ее алтарности. Это формат поклонения. Это формат подношения жертвы. Формат рилсов и шортсов.

90.

Вечер напряженного дня. Из моего окна видно никогда не затихающее шоссе. Огни автомобилей и свет окон. Статика и динамика в шатком равновесии рассудка. Цветовые цунами Барнетта Ньюмена.

91.

Изображение как основа понимания - сложный изолированный саморазвивающийся процесс, подобно росту растения. Рост заложен в саму природу растения. Углубляясь в мысль, прорастаю вверх.

92.

Монотонные движения укладчика асфальта и ментальный лабиринт художника. Изобразительное искусство - совокупность жестов художника: размашистых и осторожных, сильных и слабых, выразительных и неприметных. Это рукопашная схватка с образом.

93.

Рисование для ребенка – это проекция жестов на бумагу. Ребенок видит пространство листа, как видит пространство вокруг себя. Всякая его работа, по сути, трехмерная инсталляция. Его цель – выразить эмоцию, таковы и мои цели.

94.

Целеполагание напоминает тяжелые устойчивые камни, по которым можно перебежать бурную горную реку жизни. Возможно, цель – любовь. Но если целей в природе не существует, можем ли мы стать ее органичной частью?

95.

Проезжая на автобусе по центру, повсюду наблюдаю рабов, возводящих пирамиду потребностей Маслоу. Очевидно, по достижении материальной цели мы не испытываем того удовлетворения, на которое рассчитывали, поскольку каждая цель тянет за собой кучу вспомогательных и дополнительных целей. И эти цели снова нужно достигать, чтобы не упустить уже достигнутую. Это порочный круг, ввязавшись в который у человека возникает ощущение, что жизнь не стоит на месте. Просто промежуточные перевалы из ниоткуда в никуда. Оптическая иллюзия души.

96.

Думаю, обезьяны – это люди, деградировавшие после гибели предыдущей цивилизации. Они знают, куда может завести прогресс, и не пытаются ничего изобретать, когда им и так неплохо живется.

97.

Космос всегда завораживал меня. Пугающая холодная бездна, откуда мы родом. Как мы появились на этой планете? Мы, такие теплокровные, такие живые: как мы могли произойти из того, что я вижу на ледяном небосводе в звездную ночь?

98.

Иногда мне кажется, что реальность всего лишь побочный эффект жизнедеятельности моего мозга. Только это может хоть как-то объяснить реальность возникновения разумной жизни.

99.

Звезды как светотени на картинах старых мастеров. Спокойные неторопливые женщины, склоняющиеся за каким-то предметом. Время, перемешиваясь со светом, струится по их лицам. Плотность их тел напоминает плотность фруктов. Их заботы спрятаны глубоко, в самое нутро. Их женственность излучается ровным люминесцентным потоком, словно свет от горящей свечи. Здесь мы имеем дело не с женской красотой, а красотой женственности, которая обволакивает, смягчает, наполняет нежностью.

100.

Как только мы рождаемся, мы впадаем в агрессивное состояние. Первый крик новорожденного – это приступ агрессии, ему не нравится, что его вытащили из рая. Но этот рай необратим, это дорога в один конец.

101.

Чашка черного кофе по утрам создает вкус дня. Я настраиваю цветовую таблицу экрана вкуса. Теперь он готов к работе. Ночь насыщает его ощущениями и фантазиями, которые он стремится воплотить в жизнь. Память о непережитом.

102.

Я видел у Антониони буржуазный мир, разорвавшийся в рапиде, и этот взрыв остановился в моих глазах.

103.

Город как храм общности. И граффити - фрески этого храма. Тесей, запутавшийся в нити Ариадны, как в паутине.

104.

Перспектива, присущая зрению, ежесекундно меняет законы своего построения. Я наблюдаю движущийся объект, отбрасывающий миллионы теней и проекций на прошлое и будущее, находящийся одновременно в разных частях пространства. Он располагается в своем энергетическом свечении и вращается, как планета. Мой взгляд скользит по его орбите. Он непроницаем, я пытаюсь вскрыть этот объект силой своего сознания, но оно безмолвно. Я доверяюсь своим органам чувств и предаюсь бездумному созерцанию. Объект раскрывается, как лилия на болоте.

105.

Затаившись, как зверь в засаде, жду появления источника всего сущего. Я рассчитываю увидеть Бога. Но он все не появляется. Я просто терпеливо жду. Проходит день, месяц, годы - и в какой-то момент я начинаю понимать, что он не придет. Здесь нет никого, кроме меня.

106.

Лечу, разматываясь на ходу, как лента. Мой разум играет с мотком моего тела, все больше и больше в нем запутываясь. Вселенная - гигантская вагина, в которой мы все оказались. По ночам мы смотрим в нее, все сильнее и сильнее возбуждаясь. Но ей нужен мощный божественный фаллос, а бог спит, отвернувшись от нее на другой бок.

107.

Любовь к женщине - это сизифов труд. Ты начинаешь катить глыбу своего желания на самый верх до самого оргазма. Несколько секунд - и вот он снова вниз.

108.

У каждого в голове целые древние города и храмы с исписанными символами стенами. Загадочные письма в коде моих мозгов, которые я все никак не могу расшифровать.

109.

Ночные звезды, напоминающие, что мы всего лишь крохотный мир на задворках Вселенной. Ночь - свидетельство нашей заброшенности в мир. Иногда смотря в звездное небо и думая об обширности пространства, у меня возникает стойкое ощущение, что наша планета стоит в углу. Мы наказаны.

Притихшие воробьи на широких колышущихся на ветру листьях слушают бьющий по крышам ночной дождь.

110.

Гигантская матка Вселенной пульсирует и, сокращаясь, разливает удовольствие по всем мыслимым и немыслимым каналам. Думаю, с момента большого взрыва она пребывает в состоянии перманентного оргазма, в отличие от нас.

111.

Фотографии Луны. В фотографии особенно интересно, что автор присутствует в том самом месте и времени, когда сделана фотография. Автор - непосредственный участник и невидимая часть фотографии. Он антагонист сюжета, антиматерия, обратная сторона фотографической луны. С какими мыслями он фотографировал? Как он связан с сюжетом фотографии? Можно ли говорить о закадровой жизни в фотографии, как мы говорим о закадровой жизни в кино?

112.

Симметрия не встречается в природе, поэтому воспринимается искусственно. Между тем христианство и вся западная цивилизация иконографически держатся на совершенстве форм. Кресты, окружности, квадраты, треугольники, симметричные

орнаменты и фигуры даже там, где это неуместно. Но в симметрии вся эстетика. Это инструмент, который использует человек, чтобы понимать себя.

113.

Сны, увеличивающиеся до размеров мира. Сны, уменьшающиеся до размеров атома. Ряды, подчиненные каким-то общим законам, единой логике. Разнородные элементы одного и того же. Одно и то же, которое выглядит как множество не связанных между собой вещей.

114.

Стихотворения как слепки сознания. Стихотворения, полные непрокрашенных места. Художники тоже часто не прокрашивают весь объем внутри контура, оставляя лакуны. Это делается неосознанно, чтобы обозначить декоративность изображения. Художник отказывается от точного отображения реальности, поскольку полагает, что такового не существует.

115.

Деревья были расставлены, как фигуры в шахматной комбинации. Я шел по эндшпилю парка, медленно приближаясь к цейтноту.

116.

Лицо не может врать. Рано или поздно из человека вылезет его порода. Черты лица с возрастом станут соответствовать его происхождению. Глуповатость или благородность его предков со временем поднимается из глубин его души на поверхность его лица, как форма листьев, сидящая в генах растения.

117.

Я разбиваю предметы на простые геометрические фигуры. Я разбиваю мысли на простые атомарные смыслы. Я разбиваю художественные произведения на фракталы чувств.

118.

Пролетев через пояса гравитаций и радиаций, я высадился на Луну своих надежд. Одинокая безлюдная планета с маленькой гравитацией. Ищу, к чему бы себя привязать, чтобы не улететь в безвоздушное космическое пространство.

119.

Между двумя любыми вещами в этом мире есть промежуточные звенья. Как бесконечно делимый отрезок.

120.

Классический дом в разрезе имеет форму пятиугольника, завуалированной пентаграммы. Пифагор называл пентаграмму математическим совершенством, поскольку она демонстрирует золотое сечение. Вот почему мы стремимся к гармонии во всем, что воспринимаем, как дом.

121.

Мои желания и мысли в презервативе языка.

Лето уходит как огромный круизный лайнер, отбрасывающий темные разноцветные тени на пылающий пирс.

122.

Всю свою жизнь я испытывал страх к насекомым. Что в насекомых пугает больше всего: то, как они странно выглядят, либо то, что они могут укусить? Среда обитания этих людей - стена.

123.

Сквозь цветастый шелковый платок будней выглядывают ее оголенные бедра, диковинные, как сигналы внеземных цивилизаций. Я поймал этот сигнал, и пытаюсь дешифровать. Любить страстно - это воевать с собой на стороне врага.

124.

Оптические линзы дней. В толщине зеркал застыли мои глаза. Я раб лампы. Я лап рампы.

125.

Жизнь после любви. Я словно выживший после всемирной катастрофы. Лежу в овраге, ощупывая свои кровоточащие раны.

126.

Я медленно горел на костре сна. В сон был добавлен отбеливатель любви. Сны выцвели. Я шел по выжженной цветом пустыне своей души, ловя перекатывающиеся жесткие колючки моих воспоминаний. Потом я запрыгнул в качели дождя и начал раскачиваться. Серый город плакал.

127.

Вечно вгрызающийся в сладость червь вечера щекочет голые женские ножки миллионом своих языков. Лето, как вампир, сладко присасывается к горлу. Капканы, расставленные в книгах. Капканы, расставленные в женских бедрах.

128.

Слова любви идут рядами и гибнут под струей пулемета нелюбви. Ее сердце - холодное оружие. Ее улыбка - холодное оружие. Ее груди - холодное оружие.

129.

Абонент временно находится в жопе. Попробуйте перезвонить позднее. День надет впритык, и где-то сильно жмет в яйцах.

130.

Я давно понял, за временем стоит кто-то. Озарение проходит по местам разлома тектонических плит реальности.

131.

Солнце и луна - два отражающих друг друга зеркала. Она перекачивает мою голову с одного своего колена на другое. Пробелы.

132.

Все мы производные от чего-то необъяснимого.

133.

Я часто общаюсь с Богом напрямую, и он мне говорит: «Эмиль, я делаю все, что в моих силах, чтобы ты был счастлив. Так что, рассчитывай на себя».

134.

У меня в душе машина времени. И она постоянно глючит.

135.

Мы не знаем язык птиц, животных и прочих живых существ. Откуда мы знаем, что щебетание птиц по утрам - не научный семинар по экзистенциальной философии, астрофизике или теории чисел?

136.

Ядерный гриб времени. Сажу на перепутье. Будды дорог в ожидании решения.

137.

Смех – это соло-партия. Всегда. Иногда я понимаю, что поступаю очень странно... но это в моем духе.

138.

Мембраны как границы сред. Уши как навечно приделанные к нам ракушки, в которых шумит доисторический океан.

139.

Повсюду книги, в которых нет ничего, кроме оговорок. Краски держатся на ласке.

140.

Все эти люди говорят на языке итераций. Выдерни их из последовательности, и они потеряют дорогу.

141.

Зеркало мозга, в которое я смотрюсь, не видя себя. Если мы видим что-то неодушевленное, то и что-то видит нас неодушевленными. Открывающаяся дверь в осенний сад, пахнущий наступающими заморозками.

142.

В раннем Ренессансе картины были созданы для того места, в котором они находились. В то время люди редко переезжали с места на место и жили, как правило, там, где родились. Современные картины не имеют "своего места", как и современные люди, рыщущие в поисках лучшей доли. Проблема своего места - основная проблема современности. Слова и вещи, предметы и люди, лишенные своего дома.

143.

Зачастую женщина всем своим видом выражает доступность, хотя блокирует всякие попытки воспользоваться ее сигналом. Это соблазн, не имеющий продолжения, это в ее природе, через это она ощупывает границы своего мира, поскольку на территории соблазна женщине дозволяется все. Почти все.

144.

Наблюдатель внутри женщины - мужчина. Смотря на себя, женщина присоединяется к собственным зрителям. Никто не эксплуатирует женский образ так интенсивно, как сами женщины.

145.

На портретах масляной живописи богатые никогда не показывают зубов. Зубы показывают только бедняки и нищие. Это они должны демонстрировать здоровье и силу, чтобы их можно было нанять. В настоящее время все происходит наоборот. Богатый должен уметь работать как лошадь, то есть больше всех. Поэтому у него должны быть самые красивые зубы. То же касается и красивых женщин, чьи крупные и здоровые волосы свидетельствуют об их породистости, а следовательно, хорошем генофонде.

146.

Взгляд человека с рекламного плаката всегда расфокусирован. Это лицо смотрит не на кого-то конкретно, а на всех разом. Вся реклама держится на ощущении тревоги.

147.

Через романтику человек возвращается к невинности. Я - пес на цепи любви.

148.

Слова - это палитра. Я рисую словами. Чтобы как-то примириться с тем миром, в котором мне приходится жить, мне приходится его приукрашивать, сакрализировать. Иначе он предстает передо мной настолько безынтересным, серым и невыразительным, что моя психика не в состоянии справиться с его безобразием. Эстетика, в данном случае, для меня единственное спасение. Я остранию вещи, придаю им загадочность, непостижимость, и эта игра полностью захватывает меня и делает мою жизнь наполненной. Это помогает превратить серый поток в чистую горную реку.

149.

Все художники, которые пытались передать "правду жизни" через психологизм своих портретов и антураж, присущий композиционному настрою модели, - на самом деле рисовали себя, свое душевное состояние. Все модели Веласкеса, Рембрандта, Эль Греко, Тициана, - по сути, сами авторы. Преломление своего эго через модель, будь это натурщик или природа, - это попытка уловить время своей собственной жизни, зафиксировать его в подручном материале. Мрачные красочные поля Ван Гога - это его свежевспаханная душа в ожидании урожая.

150.

С некоторых пор я начал замечать, что не существует такой женщины, у которой не было бы чего-нибудь неприятного в лице. Самые красивые, самые милые и доброжелательные женские лица в какой-то момент обнаруживают непонятно откуда

возникшее мгновенное уродство. Они напоминают тщательно замаскированных чудищ, с которых начал сходить грим. При умеренной красоте уродство очень трудно уловимо, но в случае чрезмерной красоты сиюминутно возникающее уродство вполне заметно и поддается регистрации в сознании и памяти. Иногда мне кажется, что чрезмерно красивые женщины на самом деле чудовища, драконы или древние ящеры, научившиеся маскироваться под *homo sapiens*, а их чрезмерную красоту создает именно этот эффект мимикрии.

151.

Человек, которого любишь, становится частью твоего тела. И все что болит у него, отзывается болью и в твоем теле. Но когда ты понимаешь, что этот человек не любит и не ценит тебя, тебе становится больнее во сто крат. И чем больше ты это осознаешь, тем больнее тебе становится. В какой-то момент боль становится нестерпимой, и надо что-то решать. Это напоминает человека, который страдает тяжелой гангреной, но постоянно откладывает ампутацию, надеясь на выздоровление. Между тем, каждый час его нерешительности может стоить ему жизни. И в один прекрасный момент он решается на это, понимая, что обратной дороги не будет. Ему ампутируют ногу, и он сохраняет жизнь, но начинает мучиться фантомными болями. Это может продолжаться довольно долго, но время лечит все. Чтобы воскреснуть, нужно сначала умереть.

152.

Во мне удивительным образом сочетаются черты атеиста и набожного человека. Я религиозен до мозга костей и крещен в христианство, но вряд ли меня можно назвать настоящим христианином. Я долго искал подходящую себе религию и обрел ее в искусстве. Искусство как служение красоте жизни. Я не ищу истину, я ищу красоту. Для меня всякая красиво сказанная фраза является истинной, безотносительно к тому, насколько она отражает реальность.

153.

Мир, в котором я живу, смешон. Чтобы жить достойно, нужно вкалывать с утра до позднего вечера. А при таком графике работы не остается времени, чтобы

насладиться добытым. Не люблю лентяев, не люблю трудяг. Ни к чему в жизни нельзя слишком серьезно относиться. Как только ты начинаешь к чему-то серьезно относиться, ты оказываешься пойманным в капкан. Осмысленное легкомыслие - высшая мудрость жизни.

154.

Тело - это флешка, это транспорт. Я уверен, что существует огромное количество базовых операционных систем, установленных в человеке при рождении. Моя операционная система написана с открытым кодом. Она написана одиночкой и для одиночек.

155.

Город, в котором я живу, похож на шлюху. Сначала этот город ведет себя как скромная интеллигентная красавица из хорошей семьи, которая хочет понравиться тебе и на которой тут же хочется жениться. Но не дай тебе бог влюбиться в нее и захотеть в этом городе жить. Она тут же дает понять, что таких как ты у нее целая толпа. Ты всего лишь один из ее поклонников. И вот ты переезжаешь в этот мегаполис. Спустя некоторое время, когда ты, в попытках заслужить ее благосклонность, начинаешь стремительно терять чувство собственного достоинства и уже хочешь плюнуть на все и уехать, - она тут же пускает в ход все свое обаяние и дает очередную надежду на успех. Ты продолжаешь влачить свою рабскую жизнь, пытаешься вырваться на поверхность и показать ей, наконец, насколько ты хорош. Но ей не нужны партнеры, ей нужны обожатели. Город, в котором я живу, - это энергетическая воронка, это пизда смерти, черная дыра, всасывающая в себя все вокруг. Здесь время исчезает, остается лишь память.

Мир - это пизда, вывернутая наизнанку.

156.

Всякий раз, как я присутствую на заседании литераторов, у меня возникает отвратительное омерзение ко всем присутствующим и происходящему. Если то, чем

они занимаются, называется литературой, то я занимаюсь чем-то совершенно другим. Не знаю, как это называется. Возможно, этому нет пока названия.

157.

Каждый человек выбирает себе зависимость, потому что жизнь без зависимостей пуста. Но любая зависимость ускоряет гибель человека. Поэтому надо выбирать зависимость, которая стоит того.

158.

Древние египтяне рисовали птиц намного больше деревьев, на которых они сидят. Поскольку они придавали птицам гораздо большую значимость, чем деревьям. Впоследствии этот прием перекочевал в иконопись. Вспомнил об этом, когда рисовал людей на очередном крупном совещании. Они сидели у меня на ветках.

159.

Путь к богу и путь к себе – один и тот же путь.

160.

Все есть мысль, но мысль не может увидеть саму себя. Она не может понять, из чего она сделана.

161.

Ухватить реальность, чтобы удержать себя.

162.

Живот - моя главная эрогенная зона.

163.

Красота интересна до тех пор, пока мы не сталкиваемся с ее бессердечностью. И красота сверхъестественна.

164.

Природа всегда находится за пределами добра и зла.

165.

Все мои внутренние переживания отражаются в витрине моей внешней жизни. Изнанка изнанки. Поверхность без внутренностей. Я направляю сконцентрированный световой пучок сознания в пустоту - и она воспламеняется. Неизвестное в нас самих.

166.

Неизреченное переживание.

167.

Линия нашей памяти - это след, оставленный вращением горящего факела жизни. Это иллюзорный круг, в который мы пытаемся замкнуть свое эго.

168.

Наше существование отравлено разочарованиями. Но разочарования создаем мы сами.

169.

Золото во все времена символизировало солнце. Золотые сверкающие монеты солнечных бликов разбросаны по моей комнате. Я лежу, боясь пошевелиться, как царь Мидас.

170.

Сакрализация повседневности. Мудрец неясен, словно мутная река. Но когда он проясняется, даже в самом глубоком месте можно увидеть дно.

171.

Все сущее, обойдя круг своей судьбы, возвращается к своему корню, своему началу.

172.

Одна моя знакомая говорила, что мое лицо похоже на маску. Гладко побрившись сегодня, удивился этому сходству.

173.

Древние египтяне часто рисовали цветки со змеями внутри. Подразумевалось, что все красивое способно укусить, ужалить. Красивое - словно инопланетный вирус, видоизменяющий земные объекты, которые по своей сути не красивые и не ужасные, а нейтральные. Каждый художник в момент своего становления сталкивается с эстетическим нейтралитетом окружающего его мира. Все красивое, что он замечает, это привнесенное им. Красивое напоминает что-то наносное, что скрывает безликое и невыразительное.

174.

Художник всегда имеет дело с изображениями объектов, а не изображаемыми объектами.

Мы знаем вещи только извне, а не изнутри. Мы сталкиваемся только с поверхностями и ничего не знаем об их внутренностях. Ноумен, вещь-в-себе. Все наши

представления о содержании предметов суть догадки. То же можно сказать в отношении слов. Слова и вещи непроницаемы для разума.

175.

Настоящее - неподвижная точка всех существующих и несуществующих миров. В настоящем мы всегда стоим на месте. Движение начинается только в том случае, когда будущее и прошлое, словно перетягивая канат, пытаются сдвинуть точку равновесия. Поэтому всякое движение имеет место лишь в направлении либо прошлого, либо будущего.

Будущее - это оплодотворенное прошлое.

176.

Идеал - это, по сути, проблема поиска симметрии. В природе нет ничего симметричного, а следовательно, идеального. Симметричное как проявление божественного, идеального появляется только в античном искусстве. Но симметрия чужда для искусства Китая, Индии и Японии, поскольку оно призвано отражать природу "как есть", "без прикрас".

177.

Все мы носим наше счастье в себе. Но фишка в том, что его невозможно извлечь.

178.

Жизнь устроена таким образом, что со временем разумное становится нелепым.

179.

Очертание - граница массы, так же как мысль - граница желания.

180.

Мы видим только то, что знаем. Но зарисовываем только невидимую часть увиденного.

181.

Чем ярче восхищение у художника, тем беспощаднее его подавленность.

182.

Мужчина появляется там, где можно помочь. Там, где уже ничего не поможет, появляется женщина.

183.

Шел по дорожке в парке. В наушниках играл электронный бит. И по мере моего приближения к выходу из парка, бит развивался все сильнее и сильнее, все громче и громче. Возникло такое ощущение, как будто я приближаюсь к источнику этого звука, уловленный силами его гравитации. Каково же было мое удивление, когда на пике бита я обнаружил застрявший в ветвях высокого дерева воздушный шарик.

184.

Истина постоянно видоизменяется, добро всегда избирательно, а красота - внезапна.

185.

Все копилки символизируют влагалище.

186.

Мысль как мутный отвар восприятия реальности. Но стоит в этот отвар добавить капельку воображения, как мысль начинает проясняться. Отвар превращается в чистую воду с осадком из голых фактов.

187.

Чудо - очевидно. Может, в этом причина того, что оно недоказуемо.

188.

Классики коммунизма считали, что рабство начинается в семье, когда родители владеют ребенком как собственной вещью. А где начинается любовь?

189.

Единственно, в чем мы можем быть немного уверены в этом мире - в собственном существовании.

190.

Добровольное рабство - самое гадкое рабство на свете. Я бы сказал, что безответная любовь – один из ключевых поставщиков подобных рабов. И любовь активно занимается работоторговлей.

191.

Живость боли поэта и постоянное ее ощущение – это вынужденная форма его существования. Всю свою жизнь он вынужден скрывать свою тотальную уязвимость. Творчество поэта – это заговаривание боли и затянувшиеся похороны его любви.

192.

Поцелуй - самостоятельная часть тела, одна на двоих.

193.

19.02.2012г. Снилось гигантское дерево, которое медленно становилось мной. Периодически теряя сознание, дерево говорило, что все самое важное и ценное в жизни происходит без нашего участия.

194.

Все, что делается мужчинами, делается из зависти к женскому плодородию.

195.

Почему мы думаем, что разум - результат деятельности мозга? Не сердца, печени или какого-либо другого органа, - а именно мозга? Так ли наука уверена в этом?

196.

Изменение позиций и тем в разговоре разве не напоминает смену поз в сексе?

197.

Женщина вписана в свое тело. Она заканчивается там, где кончаются границы влияния ее тела. Ее мир распространяется на все, что желает ее. Но за пределами этого мира, для нее места нет.

198.

Тело как сеть для оргазма.

199.

Если искусство художника прекрасно, то - несмотря на все невзгоды - жизнь художника тоже прекрасна.

200.

Женщина - это проводник оргазма; медиум, вызывающий оргазм; материализованный мышечный спазм.

201.

Недавно мне показалось, что буква О в слове "SONY" на логотипе телевизора пристально смотрит на меня.

202.

В моем окне среди тихой ярко-изумрудной травы пролетел дикий красный аэроэкспресс.

203.

Как-то мне во сне явился Бог и сказал: "Эмиль! Только немногие люди могут проникнуть в тайны мироздания! И ты один из них! Но тебе предстоит одно самое важное испытание - ты должен побывать в аду". Так я попал на свою нынешнюю работу.

204.

Глаза - это тоже рот, а точнее рты.

205.

Почему нет отдельной науки для каждого отдельно взятого предмета или объекта? Наука о диване или окне или об утреннем кофе.

206.

Пространство мысли как непрекращающаяся зона турбулентности.

207.

Основным отличием между зрением художника и всех остальных является то, что художники видят пространство непрерывным, а все остальные - дискретным.

208.

Люди в метро стояли, странно выстроившись в ряд, как в древнеегипетских фресках.

209.

Если говорить в терминах радиофизики, то фаллос - это антенна, с помощью которой принимается информация из космоса. А вагина - черная дыра, в которой вся эта информация пропадает.

210.

Моя творческая работа - это бесконечное фотоувеличение фракталов. Темы, мысли, образы - лишь повторения на новых витках спирали. Развитие вовне через развитие вовнутрь.

211.

Красивое - всегда слегка сокрытое, недоувиденное, недосказанное. Но при этом полностью интуитивно понятное и принятое. Когда я смотрю на "Джоконду", я не могу отделаться от желания увидеть ее задницу. Но она мне ее никогда не покажет. И в этом страшная сила ее красоты.

212.

Слова - это чертежи мыслей. В своих романах и поэмах я конструирую летательные аппараты. Но все мои полеты кратковременны.

213.

Как я понимаю, что роман закончен? Да никак. Фишка в том, что я могу остановиться в любом месте. Я пишу бесконечную книгу своего существования. И я разбиваю ее на фрагменты только для удобства восприятия. Иначе это был бы непрекращающийся текст. Как бесконечный выпуск газеты, которую никто не читает.

214.

В конечном итоге, мои книги — это свитое мной гнездо, из которого я выпал. При попытке летать.

215.

В финале одной моей сказки страшная птица любви хватает меня и уносит в свое гнездо. Ее груди волнуются, как разрушительные волны. А я остаюсь один, как капитан гибнущего гигантского лайнера любви.

Январь - Август 2013